

ТЕРПИМОСТЬ

И

ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЕ,

ИЗОБРАЖЕННЫЯ

ВЪ ТРОГАТЕЛЬНЫХЪ

ПОВѢСТЯХЪ.

Сочиненія Г. Эккартсгаузена.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

187.
32

Р.О. герм. 2097 с-3

Съ одобренія Универси-
тетской Ценсуры.

20/31/1960

О Г Л А В Л Е Н І Е

Третьей Части.

Стран.

- VII. Изогинъ и Тира. 3
VIII. Марія Евреянка. 71
-

Четвертой Части.

- IX. Изисъ и Тира. - 3
X. Алфредъ, Анаксисъ
и Филарета. - 51
XI. Добрый Хриспіанъ. 71
XII. Ремесленникъ Иванъ
и ремесленникъ
Фрицъ. - - - 124
-

**Bayerische
Landesbibliothek
München**

VII.

ИЗОГИНЪ и ЦЕЛІЯ.

Повѣсть объ одномъ изъ
черныхъ нашихъ собра-
тій, объ одномъ Маерѣ.

Не знаю, правда ли это, что
Европейцы народы об-
рочиванные; я сомнѣваюсь въ
этомъ болѣе и болѣе. Имя вар-
вары, коимъ привыкли назы-
вать мы другіе народы, ка-
жется для меня столь стран-
нымъ, что часто прихожу я
въ великое недоумѣніе, отъ че-
го мы такъ ошибаемся. Не мы
ли, можетъ быть, болѣе за-

Часть III. А 2

служиваемъ названіе варвара ,
нежели какой нибудь дикой ,
который хопя не имѣетъ ни-
какихъ положительныхъ зако-
новъ , однакожь остається вѣ-
ренъ законамъ Природы ?

Когда думаю о себѣ самомъ ,
что сдѣлали изъ меня Государ-
ство и воспитаніе , то нахожу
вещь весьма удивительную . —
такое твореніе , которое съ
самого младенчества чрезъ раз-
личныя усилія отдадали отъ
Природы ; которому сообщили
разныя познанія , ни мало для
него неполезныя , и которому
открыли такія системы , ко-
ихъ нѣтъ въ Натурѣ , и вну-
шили такія мнѣнія , кои , при
ислѣдованіи , оказались лож-
ными .

Когда съ самыхъ младыхъ
ногтей испортили наше сердце
множествомъ странныхъ мнѣ-

ній, то въ мужескомъ возрастѣ, при всѣхъ усиліяхъ разсудка, не можемъ мы уже забыть того, чему учили насъ въ юности.

Сколь было бы благородно жить между людьми образованными, если бы то, что называется образованіемъ, имѣло многихъ свою цѣну; но лукавство и полишка изгнали общественныя добродѣтели, и между людьми, которые стремятся къ своей гибели, поселили варварство и попятную жестокость. Право сильнѣйшаго господствуетъ между варварами; право оспроумѣннѣйшаго, хитрѣйшаго — между образованными.

Тамъ человекъ, когда онъ кого преслѣдуетъ, обезображиваетъ видъ свой; гнѣвъ въ устахъ его, гнѣвъ и въ рукѣ,

вооруженной явно. Здѣсь —
 припворство во взорахъ; улы-
 баются и уязвляютъ, плачутъ
 и изпортгаютъ жизнь, состра-
 даютъ и вмѣстѣ грабятъ. По-
 руганная Природа! возврати че-
 ловѣчеству права его! На что
 ли дала ты слезы человѣческо-
 му оку, чѣмбы обманывать?
 для того ли являешь на устахъ
 пріятную улыбку, чѣмбы вѣр-
 нѣе вредить? ласкашелейный
 видъ и крошкіе взоры, чѣмбы
 лишить жизни?

Да изтребится съ лица че-
 ловѣческаго ужаснѣйшее при-
 творство! да царствуетъ на
 челахъ нашихъ нелицемѣрная
 Природа, и да не унизимся сво-
 ею ушонченностію передъ гру-
 быми дѣтьми Природы, кои бы-
 ваютъ столь благородны, столь
 невинны, кзковъ былъ Изегинъ!

Изогинъ, молодой Мавръ, коему Природа даровала чувствительность и благородное сердце, произошелъ на свѣтъ въ одной дикой странѣ Африки. Рожденіе Изогина причинило смерть его матери: Бальма лишилась жизни, даровавъ сей залогъ любви своему другу Жакеру.

Жакеръ былъ отецъ Изогина, такой человекъ, котораго всѣ любили, ибо онъ былъ храбръ. Во всей странѣ никто не превосходилъ его въ бѣганіи, и никто не спрѣлялъ изъ лука такъ мѣтко, какъ онъ; при томъ Жакеръ имѣлъ также и благородное сердце. Когда на берегу морскомъ находилъ онъ какой нибудь рѣдкой камень, или прекрасную раковину, то приносилъ ихъ или къ друзьямъ своимъ, или, вмѣсто жер-

швы, клалъ на олшаръ Божества, коему онъ поклонялся.

Жакеръ любилъ Бальму, одну Маврскую дѣвушку, которая была его достойна. Около года наслаждались они невинными утѣхами Природы. Въ мирномъ согласіи часто гуляли они рука въ руку подъ тѣнію высокихъ каштановыхъ деревьевъ, или, саяя подлѣ иссопнаго куста, разговаривали о нѣжныхъ чувствахъ Природы — о дружбѣ и любви.

Бальма была прекраснѣйшая изъ всѣхъ Маврскихъ дѣвушекъ. Щеки ея были такъ мягки, какъ апласъ, а цвѣтъ ихъ былъ цвѣтъ чернаго орла; бѣлизна глазъ ея подобиалась снѣжинѣ, висящей на черной ягодѣ ежевики: кораллы были уста ея, а зубы являли блестящій рядъ

перловъ. Жакеръ былъ не менѣе прекрасенъ; ростъ его, казалось, равнялся молодой пальмѣ; глаза его блистали, какъ метеоръ среди ночи, а губы употреблялись послѣднимъ пурпуровымъ лучамъ зари вечерней. Жакеровы волосы, вьющіеся на головѣ мѣлкими кудрями, не уступали въ мягкости нѣжной волнѣ черныхъ агнцовъ. Взоръ Жакеровъ былъ нѣженъ, и глаза его говорили выразительно, когда обращались къ Бальмѣ.

Каждой изъ черныхъ Жакеровыхъ собратій радовался его счастію; ибо въ сихъ спранахъ не вошло еще въ моду волочиться за чужею любовницею, или женою. Здѣсь вредныя изпаренія отъ несварившихся кушаньевъ не отправляли ядомъ чистыхъ соковъ,

и ни коренья, ни вина не возмущали крови въ жилахъ. Тихо, подобно сельскому изпочнику, обращались здѣсь соки, и не мѣшали сердцу наслаждаться истинными удовольствиями. Я люблю тебя, и ты меня любишь — вопль весь языкъ любви! Сердце чувствуетъ эшо, глаза выражаютъ, уста говорятъ безъ лести, безъ обмана — Бальма была щастлива съ Жакеромъ; часто гуляли они ночью подъ темными кипарисами, и взоры ихъ, обращаясь къ Небу, разсматривали звѣзды, блестящія надъ ними.

О Бальма! говорилъ Жакеръ: какъ великъ Богъ, Который все сіе создалъ! Я чувствую въ себѣ нѣчто, влекущее къ Нему мое сердце. Не чувствуешь ли и ты, милая, того же? Ахъ, Бальма! не Ему

ли обязаны мы всѣми радостями? не Ему ли обязанъ я своею любовію? не Онъ ли образовалъ тебя столь прекрасною? не Онъ ли даровалъ тебѣ сердце, которое меня любитъ? Такъ, Жакеръ, опивъчала Бальма: я чувствую все, что чувствуешь ты! Пойдемъ, любезный Жакеръ! подыметь руки къ Небу, и воздадимъ Ему за то благодареніе, что Онъ есть столько добрый Отецъ. Жакеръ и Бальма, набравъ разныхъ раковинъ и улипокъ, сложили изъ нихъ подъ кипарисными деревьями олтарь, и всякое утро приносили Божеству дымящую жертву. Они возжигали благовонныя распѣнія, рассыпали вокругъ цвѣты и высылали къ Небу молитвы, какія внушало имъ сердце. —

Позволь мнѣ, Бальма, сказалъ однажды Жакеръ: позволь мнѣ поймать какое нибудь животное; я приведу его сюда, и мы принесемъ его въ жертву Богамъ. Нѣтъ, любезный Жакеръ! отвѣчала Бальма: пролитая кровь не можетъ быть Богамъ пріятна. Они, создавъ животныхъ для радостей, не могутъ находить удовольствія въ изпребленіи оныхъ. Вотъ понятія, продолжала Бальма: которыми имѣю я о Божествѣ! Спанемъ дѣлать добро всякой живой швари; это будетъ доказывать Божеству, что мы достойны существовать на свѣтѣ.

Слезы навернулись на глазахъ Жакеровыхъ, и нѣжной поцѣлуй наградила благородное сердце Бальмы.

Однажды прогуливались они въ отдаленіи отъ своихъ рощей, въ необитаемой споронѣ между скалъ и кустарниковъ, разсматривая прелести дикой природы; вдругъ услышали они жалостной стонъ животного, подошли ближе, и увидѣли раненую бѣлую медвѣдицу, борющуюся со смертію. Маленькой медвѣженокъ сосалъ умирающую матку. Жакеръ, подбѣжавъ, выпацилъ убійственную стрѣлу изъ раны медвѣдицы, и хотѣлъ помочь ей; но трудъ его былъ напрасенъ. Умирающее животное наградило благодарнаго Жакера признавательнымъ взоромъ. Оно посмотрѣло на своего медвѣженка, какъ будто бы хотѣло сказать ему: сжался надъ этимъ бѣднымъ твореніемъ, которое я оставляю; ибо меня,

Часть III, Б